

Домбровский Д.
ПО ПОВОДУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГЛЕБА, ТЕСТЯ РОМАНА ДАНИЛОВИЧА

Одним из правителей русско-литовского пограничья, живших в XIII веке, был князь Глеб. Он известен прежде всего тем, что его неизвестная по имени дочь вышла замуж за Романа, сына могущественного первого короля Руси, объединителя Галицко-Волынского княжества, Данила Романовича.

Интригующей исследовательской проблемой является установление идентичности (тождественности) этого князя, а также определение занимаемой им волости. К сожалению, в недавно опубликованной статье В.А. Кучкина [12] персона этого князя не рассматривается. Что касается первого вопроса, то в современной литературе существуют три основные концепции:

1. Глеб правил в Волковыске [4, с. 76, 568; 18, табл. VII, XI; 31, с. 70–71; 14, с. 139, 281; 22, табл. 28; 8, с. 135; 13, с. 433, 502, 506; 7, с. 162 (№ 460); 11, с. 198; 26, с. 242; 3, с. 351; 10, с. 159]¹. Это самая популярная гипотеза. Обращаемся к ней ниже и уже не первый раз [22, с. 138–139; 21, с. 362; 20, с. 378–379, 412].

2. Глеб был князем свислочским. Эта точка зрения, как кажется, впервые высказанная Й. Тотраитисом [33, с. 120], а позднее принятая некоторыми немецкими исследователями [25, табл. VII; 23, табл. 136], является полностью безосновательной. Она не опирается на какие-либо источники. Версия наверняка возникла в результате случайного смешения информации об интересующем нас Рюриковиче и выступающем вместе с ним на страницах *Хроники Романовичей (Галицко-Волынской хроники)* в первом из процитированных здесь упоминаний князе Изяславе Свислочском.

3. Волостью Глеба было Степанское княжество. Эту концепцию мы рассмотрим в дальнейшем тексте.

Этот Рюрикович был упомянут исключительно в двух сюжетах *Галицко-Волынской хроники*, бесспорно относящихся к его персоне. Специально подчеркнем, что он не появляется в других независимых источниках. К таким мы не относим *Густыньскую летопись*, которая упоминает Глеба опосредованно (по случаю смерти его сына) [6, с. 127; 32, с. 317], и *Хронику Феодосия Софоновича* [15, с. 152, 155]², так как содержащиеся в них информации о Глебе зависимы от текста *Галицко-Волынской хроники*.

Галицко-Волынская хроника первый раз упоминает князя Глеба как участника похода Романовичей на Судавию (землю ятвягов) зимой 1255/1256 г. [13, с. 414; 20, с. 389; 28, с. 167; см. также: 5, с. 359, 384 (1254/1255); 30, с. 280–281 и прим. 336]. Ниже мы приведем соответствующую цитату. Отметим, что в обоих случаях мы оставили для сравнения обе версии Хлебниковской/Острожской и Ипатьевской рукописей:

Хлебниковский/Острожский список [19, с. 363]	Ипатьевский список [9, стб. 831]
„и посла по Романа въ Новгородокъ. И прїиде к нему Роман[ъ] съ вѣми новгород[ъ]ци, съ тцем[ъ] своим[ъ] Глѣбом[ъ] и со Изаславом[ъ] съ Вислочским[ъ]”	„и посла по Романа в Новгородокъ и приде к нему Романъ . со всеми Новгородци . и со тцемъ своимъ . Глѣбомъ . и со Изаславомъ . со Вислочскимъ”

Вновь Глеб упомянут в рассказе о наезде Бурундая на Литву в 1258/1259 г. В это время произошли события, описанные в нашем источнике следующим образом:

Хлебниковский/Острожский список [19, с. 407–408]	Ипатьевский список [9, стб. 847]
„Потѣм[ъ] же Данило корол[ъ] еха в за Волковыескъ, и Глѣба княза пославъ а и дрѣжаше его въ чти, ако бол[ъ]ма бо еха къ Волко[в]ыескоу, лова нати ворога своего Вышелка и Тевтивила”	„потом же Данило король . ѣхавъ в за Волковыескъ . и Глѣба княза . и Глѣба княза пославъ а и держашеть и во чсти . ако болма бо еха . ко Волковыскоу . лова ати ворога своесо . Вышелка . и Тевтила”

Как видим, в обоих случаях Глеб участвует в событиях, связанных с северной политикой Романовичей.

¹ Как видно из вышеизложенных соображений, я отклонил свою точку зрения, представленную в 2002 году, относительно передачи Романом Волковыска своему свекру (22, с. 138–139).

² Источник не заметил смерти Ивана Глебовича.

Собственно, исключительно на втором из приведенных отрывков основывается точка зрения что, Глеб якобы был князем Волковыска. На наш взгляд, из него скорее следует иной вывод. Необходимо обратиться к польскому переводу источника, в котором мы изложили наше понимание, как мы считаем – лучше передающие смысл оригинала: «Потом же Даниил король ехал [и] взял Волковыск. И Глеба князя послал [и] привел | и держал его в чести, потому что прежде всего ехал к Волко|выску, стараясь настичь врага своего Войшелка и | Товтивила» [29, с. 208]. По всей видимости, в обеих цитируемых рукописях, а также в рукописи Марка Бундура/Яроцкого и происходящей от ней рукописи ермолаевской [см.: BAN sygn. 21.3.14, s. 210; также: РНБ, sygn. F.IV.231, s. 265 v.], которая отличается от других вариантов протографа, находим слова «а» (аорист в 3 лице единственного числа «аети»). В соответствии с результатами исследований И.И. Срезневского это слово имеет много значений, в том числе «приводить» [16, стб. 1669–1671].

Таким образом, можно догадаться, что в Волковыске прошел съезд князей русско-литовского пограничья, в котором участвовали князь Роман Данилович и гости – его тесть, а также Товтивил и Войшелк. Это одно из двух лучших объяснений записи, в которой идет речь, с одной стороны, о пленении Романа Товтивилом и Войшелком, а с другой стороны – о пребывании Глеба в этом городе, а также об очень хорошем отношении к нему Даниила («и дрѣжаше его въ чти»). Представленные события можно реконструировать и альтернативным образом. Так, если иначе, чем в предыдущей версии, расставить знаки препинания, можно прийти к выводу, что Даниил, который взял Волковыск, уважал тестя своего сына, потому что он первым отправился в погоню за Войшелком и Товтивилом.

В любом случае нас больше всего интересует то обстоятельство, что анализируемый отрывок ни в коем случае не является доводом в пользу того, что Волковыск являлся владением Глеба.

Более того, мы располагаем другим сильным аргументом, указывающим на то, что упомянутый город не принадлежал Глебу. Речь идет о следующем фрагменте *Галицко-волынской хроники*: «и прїиде [Войшелк] в Холмъ къ Данилови, оставив[ъ] | княженіе свое, и въспрїемъ мнишеческїи чин[ъ], и въдаст[ъ] | Романови, с[ъ]нхви королеву, Новгородокъ wt[ъ] Мин[ъ]дога и | wt[ъ] себе, и Слоним[ъ], и Волковыескъ, и всѣ городы» [19, с. 362; см. также: 9, стб. 831]. Описываемые события можно вероятно датировать рубежом 1254/1255 г. [20, с. 376–377; см. также: 28, с. 167]. Они позволяют однозначно утверждать, что до этого момента Волковыск находился во владении Войшелка, позднее же перешел в руки Романа Даниловича. Даже если предположить, что в домене Войшелка сидели зависимые от него русские князья, то кажется маловероятным, чтобы Даниил, в поисках жены для Романа решился на матримониальный союз с мелким и зависимым от литовской власти Рюриковичем. Такой брак не принес бы ощутимой пользы. Вернее, это не соответствовало принципам проводимой Даниилом политики собирания земель. Это умозаключение подтверждается еще одной, правда косвенной и достаточно слабой, предпосылкой, исходящей из первой упомянутой цитаты. Так, в описании похода в Судавию зимой 1255/1256 г., персона Глеба могла быть перепутана с персоной другого князя, который был мобилизован на помощь Даниилу вместе с Романом, а именно – с Изяславом Свислочским. Между тем, как известно, город Свислочь вероятнее всего был городом Полоцкого княжества. Несомненно, что таким же образом за пределами территории, признанной за Романом в соответствии с мирным договором между Даниилом и Миндогом, находилась и волость тестя Романа.

Наконец, представим последний довод в пользу невозможности признать Глеба князем Волковыска. Известно, что в более позднее время Волковыск был упомянут в *Галицко-волынской хронике* еще два раза. В обоих случаях он упоминается как город во владении Литвы, кажется даже в непосредственном владении, а не через зависимого Рюриковича [19, с. 490, 621; см. также: 9, стб. 877, 933].

Самое время рассмотреть вопрос о возможном происхождении Глеба. С этой целью сошлемся на очередное упоминание в *Хронике Романовичей*. Звучит она следующим образом: «Тое ж[е] зимы престависа степан[ъ]скїи князь Ивань, | с[ъ]нъ Глѣбовъ. И плакахъс[а] по нем[ъ] вси людие wt[ъ] мала и до | велика. И нача княжити в него мѣсто с[ъ]нъ его Во|лѣдимеръ» [19, с. 627; см. также: 9, стб. 938]. Отметим в начале, что упомянутое событие состоялось скорее всего зимой 1289/1290 г. [5, с. 378, 387; 29, с. 264–265; 28, с. 170].

Что мы узнаем из приведенного отрывка? Назовем сначала бесспорную информацию: зимой умер Иван Глебович (он был князем степанским), после него сел на трон его сын Владимир. Упоминание об этом событии было признано автором соответствующей части *Галицко-волынской хроники* достойным записи.

Возникает ключевой для нас вопрос: тождественен ли упомянутый Глеб, отец Ивана, дед Владимира, Глебу, тестю Романа Даниловича?

Такая идентификация появлялась в литературе. Ее сторонником был Н.А. Баумгартен. Российский генеалог утверждал, что тестем Романа был именно князь степанский Глеб Ростиславович [1, с. 21]; хотя позднее он отказался от этой точки зрения и стал приписывать Глеба к линии гродненских Рюриковичей и был склонен отрицать возможность более точно определить его происхождение [18, табл. № 7, с. 31]. Вероятно, за первоначальным предположением пошли Г.А. Власьев [2, с. X], а также Д. Донской [7, с. 162 (№ 460)]. Тут нет возможности комментировать концепцию Баумгартена относительно отчества Глеба Степанского. Обратим лишь внимание, что она является интерпретацией ошибочной мнения М.Д. Хмырова [17, с. 95, № 617].

С точки зрения хронологии идентификация Глеба, тестя Романа, и носящего такое же имя отца Ивана теоретически возможна. Ведь в 1289/1290 г. был жив не только сын, но и внук, способный принять власть. Это означает, что Иван Глебович мог родиться самое позднее около 1260 г., а вероятнее это произошло как минимум десятилетием ранее. Сам Глеб, при таком раскладе, родился не позднее 1245 г.¹, причем эта дата слишком завышена, ее с чистой совестью можно сдвигать на десятилетие назад. Это дает возможность считать примерным временем *ad quiet* появления на свет Глеба 1235 г. С другой стороны, Глебовну выдали замуж за Романа Даниловича в 1254 или в 1255 г. Это значит, что родиться она должна была не позднее 1241 г. Соответственно, ее отец не мог появиться на свет позже 1226 г., а вероятнее несколькими годами ранее. Подчеркнем, что для Глеба эта дата является целиком правдоподобной.

Напомним также о методологическом условии, предписывающем избегать умножения сущностей. Тут, однако, сразу стоит обратить внимание, что в предшествующей историографии было аргументировано доказано существование большого числа безымянных Рюриковичей, не нашедших отражения в дошедших до нас источниках. К этому кругу принадлежали бы как Глеб, так и названные выше князья степанские, если бы в нашем распоряжении не было такого источника как *Галицко-Волынская хроника*.

С другой стороны, возникают как минимум два аргумента, позволяющие высказать сомнения в представленной выше идентификации. Во-первых, почему источник, связанный с Романовичами, не отметил факт родства своих покровителей с Глебом? На это сомнение легко находится объяснение. *Галицко-Волынская летопись* не является системным каталогом родственных связей с различными упомянутыми династиями. Кроме того, Иван, не считая очевидного факта принадлежности к той самой династии, что и Мстислав (II) Данилович, в кругу которого возникла часть *Галицко-Волынской хроники*, содержащая некролог степанского князя, был не слишком далеким, но сложным для определения степени родства свойственником упомянутого Мстислава (шурином единокровного брата). Более того, этот матримониальный союз давно перестал существовать к моменту создания летописи. С другой стороны, обращает на себя внимание факт упоминания смерти этого мелкого в сравнении с династией Романовичей князя, каким являлся «князь степанский Иван, сын Глеба». Что-то должно было побудить летописца к упоминанию умершего. Самым правдоподобным решением этой загадки является предположение, что существовала какая-то сравнительно близкая родственная/свояческая связь между упомянутым князем и покровителем (Мстиславом Даниловичем) автора соответственной части анализируемого источника.

Второе сомнение имеет другой характер. Оно заставляет задаться вопросом, для чего такой сильный правитель как Даниил Романович должен был искать сближения с мелким пограничным Рюриковичем, выражением чего был брак Романа с его дочерью. Лучшее всего эту проблему объяснило бы предположение, что тесть Романа имел сильные позиции на литовско-русском пограничье.

---

¹ Я хотел бы напомнить, что в генеалогии 15 лет считаются минимальной разницей между рождением отца и сына (27, с. 26). В описанном случае минимальная разница между отцом, сыном и внуком составит 45 лет.

Обратим также внимание на весьма существенный факт. Так, в упоминании о смерти Ивана и переходе его княжеского стола к сыну Владимиру, сам Глеб не называется князем степанским.

Конечно, он мог быть таковым до своей смерти, однако можно представить несколько других решений этого вопроса. Во-первых, Глеб в момент упоминания сына мог быть еще жив и занимать более важный для него престол. Таким, например, был туровский стол. Эта гипотеза не является невероятной, потому что мы говорим о князе, который родился самое позднее в 1226 г. и имел бы в 1290 г. уже 64 года. Как мы утверждали выше, время его рождения следует перенести, с высокой долей вероятности, назад; тем не менее, вполне возможно, что Глеб мог благополучно достигнуть и возраста 70 лет. Он был бы в таком случае ровесником (или чуть старше) Льва Даниловича, который, как мы знаем из источников, был активным правителем в близком 1289 г. Второе решение, по моему мнению, менее правдоподобно с методологической точки зрения. Однако и оно не является невозможным по уже указанной причине о нерегулярном упоминании *Галицко-Волынской хроники* каждого современного ей Рюриковича. Оно предусматривает, что у Глеба был сын, более старший, чем Иван, который после смерти отца и мог сидеть в Турове.

Последние наши выводы содержат следующие соображения. Тесть Романа Даниловича, Глеб, отчество которого мы не будем рассматривать в данной статье по причине нехватки места, не был князем Волковыска, и, вероятнее всего, не был и князем в Степани. Его волостью с высокой степенью вероятности, можно назвать Туров. Это лучше всего объяснило бы, почему его дочь вышла замуж за Романа, сына короля Данила. Наверняка Глеб был близким кровным родственником князей пинских и происходил из той же самой ветви Рюриковичей.

1. Баумгартен, Н. А. Вторая ветвь князей галицких. Потомство Романа Мстиславича / Н. А. Баумгартен // Летопись Историко-родословного общества в Москве. – Год V. – 1909. – Вып. 1 (17). – С. 3–45.
2. Власьев, Г. А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий / Г. А. Власьев. – Т. II.1. – Петроград, 1918.
3. Войтович, Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква, 2006.
4. Грушевський, М. Історія України–Русі / М. Грушевський. – Т. III: до року 1340. – Київ, 1993.
5. Грушевський, М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописі / М. Грушевський // Твори у 50 томах. – Т. VII. – Львів, 2005. – С. 327–387.
6. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. XL. – СПб., 2003.
7. Донской, Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей / Д. Донской. – Ч. 1. (середина IX – начало XIV в.). – Ренн, 1991.
8. Зверуго, Я. Г. Древний Волковыск / Я. Г. Зверуго. – Минск, 1975.
9. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. II – СПб., 1908 [репринт: М., 1998].
10. Кибинь, А. С. От Ятвязи до Литвы. Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII вв. / А. С. Кибинь. – М., 2014.
11. Краўцэвіч, А. К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага / А. К. Краўцэвіч. – Мінск, 1997.
12. Кучкин, В. А. Туров и Туровское княжество в X–XIII вв. / В. А. Кучкин // Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. – М., 2018. – С. 64–72.
13. Літопис руський за Іпатським списком / Перекл. Л. Махновець. – Київ 1989.
14. Пашуто, В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси / В. Т. Пашуто. – М., 1950.
15. Софорович, Ф. Хроніка з літописців стародавніх / Ф. Софорович. – Київ 1992.
16. Срезневский, И. И. Материалы для Словаря Древнерусского языка / И. И. Срезневский. – Т. III. – СПб., 1912 [репринт: М., 2003].
17. Хмыров, М. Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. Половина первая. А–И / М. Д. Хмыров – СПб., 1871.
18. Baumgarten, N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle / N. de. Baumgarten // Orientalia Christiana. – Vol. IX–1. – 1927. – Num. 35.
19. Chronica Galiciano-Voliniana (Chronica Romanoviciana) / wydali, wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł // Monumenta Poloniae Historica nova series. – Т. XVI. – Kraków, Warszawa, 2017.
20. Dąbrowski, D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201 – 1264). Biografia polityczna / D. Dąbrowski. – Kraków, 2012.
21. Dąbrowski, D. Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV w.) / D. Dąbrowski. – Kraków, 2008.
22. Dąbrowski, D. Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich / D. Dąbrowski. – Poznań, Wrocław, 2002.
23. Dworzaczek, W. Genealogia. Tablice / W. Dworzaczek. – Warszawa, 1959.
24. Europäische Stammtafeln. Stammtafeln zur Geschichte Europäischen Staaten. Neue Folge / hrsg. D. Schwennicke. – Bd. II. – Marburg, 1984.
25. Forssman, J. Die Beziehungen altrussischer Fürstengeschlechter zu Westeuropa / J. Forssman. – Bern, 1970.
26. Gudavičius, E. Mindaugas / E. Gudavičius. – Vilnius, 1998.

27. Jasiński, K. Rodowód Piastów śląskich / K. Jasiński. – T. I: Piastowie wrocławscy i legnicko-brzescy. – Wrocław, 1973.
28. Jusupović, A. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) w latopisarskiej kolekcji historycznej / A. Jusupović. – Kraków, Warszawa, 2019.
29. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów). Tłumaczenie, wstęp i komentarze D. Dąbrowski i A. Jusupović. Kraków, Warszawa, 2017.
30. Nagirnyj, V. Polityka zagraniczna księstw ziemi halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199) – 1264 / V. Nagirnyj. – Kraków, 2011.
31. Paszkiewicz, H. Jagiellonowie a Moskwa / H. Paszkiewicz. – T. I: Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku. – Warszawa, 1933.
32. The Hustynja Chronicle. Compiled and with an Introduction by O. Tolochko. – Cambridge Mass., 2013 (= Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts, vol. XI).
33. Totoraitis, J. Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263 / J. Totoraitis. – Freiburg, 1905.

Левшун Л.В.

ЛЕТОПИСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПОЧИТАНИИ КРЕСТА ГОСПОДНЯ КНЯЗЬЯМИ ПОЛОЦКОГО ДОМА (К ВОПРОСУ О МЕТОДИКАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Известно, что летописцы раннего русского средневековья ориентировались при хронологизации описываемых событий на церковный календарь. Поэтому обращение к церковному календарю (минейного и триодного циклов) является иногда единственным средством интерпретировать те или иные исторические феномены и/или объяснить связь между отдельными событиями.

В качестве иллюстрации этого тезиса покажем, как использование «подсказок» церковного календаря, в том числе, Пасхалии позволяет логически связать столь разные на поверхностный взгляд факты, как, например, изображение креста на родовых знаках полоцких Изяславичей, семимесячное княжение Всеслава Брячиславича в Киеве, Борисовы камни, Крест Евфросинии Полоцкой/ Лазаря Богши и др., смысл которых вскрывается, лишь если к анализу нарративных источников привлечь данные церковного календаря и особенно Пасхалии. Приведем несколько показательных эпизодов.

Эпизод 1. В 1064/65 году «Приде Всѣславъ и възя Новѣгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святаыя Софіе. О, велика бѣда въ час тыи; и понекадила съима» [НПЛ ст. 1067]. Управлявшие тогда Русью сыновья Ярослава Мудрого разумеется не оставили безнаказанным это разорение. В.Н. Татищев, в распоряжении которого были ныне утраченные списки древнерусских летописей, излагает эти события так: «Ярославичи <...>, совокупя войска, пошли на Всеслава <...> пришли к Неману¹ марта в 3 день, где Всеслав вышел против них. И спешдшися на Немане марта в 10 день, когда снег вельми велик был, учинили жестокий бой, на котором с оби стороны много побито, а Всеслав, видя своих большое падение, ушёл к Полоцку» [6, с. 84].

Обращение к Пасхалии 1067 г. показывает, что знаменитая битва на Неимге (10 марта по В.Н. Татищеву) произошла в воскресенье второй седмицы Великого поста, следовательно, в Полоцк Всеслав вернулся накануне Крестопоклонной недели (17 марта), возможно, в самую субботу, когда во время Всенощного бдения на середину храма выносятся для поклонения Крест. При таком совпадении вероятно предположить, что спасение князя полочане (как и сам Всеслав) связывали с вспомоществованием Креста Господня и истово благодарили Бога в Крестопоклонную седмицу (17-23 марта).

Эпизод 2. 10 июля 1067 г. Ярославичи, как известно, предложили Всеславу мир и: «цѣловавше крѣтъ чѣстныи . къ Всеславу рекше ѿму . приди к намъ яко не створимъ ти зла . вн же надѣявсѣ цѣлованьи крѣта . и приѣхавъ в лодьи чересъ Днѣпръ <...> и тако яша Всеслава . на Риши оу Смолинска . и преступивше крѣтъ . Изаславъ же приведъ Всеслава Къѣеву . всади и в порубь . съ двѣма снѣма» (Лавр. 1067). Учитывая время, необходимое на то, чтобы Всеслав получил послание Ярославичей, пришел к Смоленску и был доставлен оттуда в Киев, можно

¹ В.Н. Татищев ошибочно полагал, что битва произошла на Немане, с чем большинство современных историков не соглашаются.